

Склад копиясты:Серега рожал — Urbanculture

Копипаста	
Автор:	Неизвестен
Доставил:	Анонимус
Im gu:	
Источник:	Копипаста:Серега рожал
Вернуться на склад	

«Серега рожал. Он лежал на земле, широко расставив согнутые в коленях черные от кровищи и грязи г
...Стоять на коленях Глеб устал и неприметно осел задницей на пятки, сохраняя выражение тупой горечи на замар
- Я те, тварь, настрого приказал: младенца свиньям скормить! Почему не выполнил?
- Дак ребенок же... - начал опять Глеб и замолк беспомощно, а следом и застонал, не в силах продолжить. Павленко
Член председателя стал жестким и длинным, как и сам Павленко. Глеб старался не заглатывать глубоко, сосредот
Кончил Павленко, однако, для Глеба и для себя внезапно, на щеки. Густая малафья капнула на сапог председателя
- Кто выблядок-то? - спросил Павленко.
- Девка...
- Тем более...
- Мы уж и назвали ее... - Глеб опять помутнел душою.
- Поторопились! - жестко отрезал председатель. - И чего это Серега рожать на посеве удумал?
- Дак... как подгадаешь-то? - развел Глеб руками. - Мы ведь раньше по пять месяцев носили обычно.
- Носили вы, бляди!
- Да все пацаны ведь были... - Глеб снова развел руками беспомощно и вдруг всхлипнул:
- Пощадите девчонку-то!..
Павленко, меривший контору широкими шагами, остановился, потом подошел к парню, сомлевшему уж от горя, ос
- Ладно ты, не реви, муило! - сказал вдруг проникновенно, тихо. - Ты ведь одно пойми: ее же растить особо, не как
- Да уж мы вырастим, - слово даем, ваше высокое благородие!
- Слово, слово... - буркнул Павленко. - Ладно уж, под твою ответственность! Ширинку-т застегни мне, а то ласки от !

Глеб как на крыльях летел. Встречные думали: вольный он теперь или в девки его окончательно записали. Но чем (Вечером, после работы, на скотном собрались знакомые мужики: хитрый, с толстой приятной рожей Тазик Хабибул. В старом корыте, в свежей соломе, розовел голый младенец. Рядом на лавке гордо сидел Серега, широко расставив Мужики, сопя, окружили его, заглядывали в корыто, придерживая тяжелое, грубое дыхание; они жадно всматривались. - Слышь, Серег, а как молоко кончится, чем кормить будешь? - спросил, лукаво скалясь, Тазик, известный приколы. - А как мы пацанчиков наших кормим? - отвечал Глеб, ухмыляясь от уха до уха, радостный, гордый за друга. - Панна будет брать в рот? - деревянно осведомился Зигмунд. - Ты чего! Она ж девка... - нахмурился Серега. Он подумал, что нужно будет как-нибудь всей фермой отъебать эту в. Глеб не сразу сообразил, поморгал часто-часто и спросил осторожно:

- А как же еще, Сережка-т?

- Ты еще! Дубина... Она же де-вуш-ка! Разве с ней так возможно? Да она, верно, и не проглотит...

- А картошку? - деловито осведомились разом Нефед с Федотом.

- Картошка ж для нее еще тяжелее! - сказал Серега строго, но гораздо, гораздо мягче. - Ротиком не ухватит...

- А пюре? Его пить можно, - сказал Тазик.

- Это другое дело! - кивнул Серега. - Только оно ведь без витаминов. Один крахмал.

Мужики тяжело задумались.

- Я траву для нее собирать буду, для Феньки-то, - вдруг очнулся от думы, просиял Глеб.

- Белену, что ли? - спросил Тазик.

Мужики грохнули. Даже Зигмунд вдруг улыбнулся тоненько, ядовито.

Федот с Нефедом устали думать, легли на грязный пол и занялись вечной своей любовью. Тазик помочился на них. Горн у правления дал сигнал отбоя, все кинулись по своим баракам.

Серега с Глебом остались одни. Глеб почти суеверно потрогал Серегу за набухшие, большие его сосцы. Тот взял ра - Даже глядеть приятно, - сказал Глеб. - А ощущения?

- Ничего себе. Сосет же.

- Так не то ж сосет!

- Да ладно тебе! Хорош придираешься...

Поев, Фенька успокоилась и уснула. Серега уложил ее в корыто, прикрыл соломой, тряпочками. Потом лег на пол:

- Знаешь, - сказал. - Я так люблю твой хуй ласкать! Он у тебя какой-то... ну это... Ну башковитый, что ли. Серьезный

- Смешной ты, Глеб! Фантазер мой милый...

- Во-во, только наедине можем по-людски объясниться. А так на этом поганом, нечеловеческом воляпюке.

- У нас же с тобой серьезно...

- А у Тазики с Зигмундом несерьезно? А у Федота и кошмарного Нефеда этого?

- Почему Нефед-то кошмарный? Ты спал с ним, что ли?

- Раз всего. Но ведь два часа меня он!.. И не спускал.

- А если это любовь? Петрушка-то у тебя от кого?

- Петрушка от Федота, но это так, совсем даже скучно было. Банально как-то, и только в рот.

- Но Петрушка крепкий парень ведь получился! Сколько ему, - пятнадцать, да?

- Уже Павленке сосет всюю. Ты хоть попробуй с ним, вы же не родственники.

- С кем? С Павленкой?

Парни захохотали, но тотчас и придушили хохот: ребеночек заворочался, заурчал.

Среди ночи Глеб разбудил Серегу:

- Слышь, Сергей! Я придумал, как ее искусственно прокормить.

- Ну и как? - еще сонно спросил Серега.

- Пюре, а в него потрухаем все мы, кто хочет. Вот тебе и витамины, Серж!

- Эх, жаль, что красные опять победили, Глебчик! При коммунистах мы могли бы позволить себе молочные смеси и

Ночью Глебу приснился салон и он, совсем юный и скромный паж, играет на фортепьяно. За синим окном мет

Время жатвы подкатило в середине августа, как всегда. Деревня неделями пустовала. Все мужики дневали и ночевали в поле. Серега и Глеб одни остались на скотном дворе, и им было скучно. Наконец, Павленко выгнал в поле и Глеба с Серегой.

...Стемнело. Во втором часу ночи все уже улеглись по своим местам.

- А странно... - сказал вдруг Глеб задумчиво и туманно.

- Что странно? - откликнулся тотчас Серега, млея от лени.

- Странно, что ты девчонку родил. Раньше из нас обоих не было детей.

- Тс-с! Какая разница, дурачок?

Звезды, мохнатые, добрые, близкие, как морды серебряных лошадей.

- В душе покоя не-ет... - запел Глеб тихо, ласково. Фенек начал мяукать.

Глеб резко встал, отошел за стожок. Ему вдруг стало тепло.

Глеб не стал курить возле стога, быстро пошел к речке.

Вода обожгла: здесь били ключи. Глеб сразу упал на дно.

Дышал тяжело, распахнувши губастый рот, но не плакал.

Душа была вновь спокойна. К тому ж урожай уже веселил.

- Дура! - изумился чернявый хам. - Я ж тебя полечить хотел...
Это и был Серега...

Наш председатель - самый умный!

Ебет он нас, как ураган.

И пролетарии всех стран

Ссут на него потоком шумным...Никогда еще Серега не чувствовал так отчетливо, так яростно-ясно близость свою к

К приезду Мокоши мужики вспахали все поле, повалялись на нем, поиграли друг с другом и, потные, чумазые, встали. Павленко заметно разволновался, подозвал к себе Хабибулина. Тот ввел председателю быстро, споро и заработал, с Толькой спустил татарин, как самый глазастый - Федот - радостно закричал:

- Едут! Едут! Везу-ут!..

Мужики сразу же построжили, подравняли строй. Павленко быстренько застегнулся, а Хабибулин стряхнул остатки... Мужики стояли недвижно, тесным рядом. Шеи их вытянулись, а Федот с Нефедом даже рты раскрыли. Павленку и все ближе, ближе походил на частый стукот настойчивый звук; вот он уже превратился в бодрое тарыхтение. На него - Говно? - деловито спросил Серега, не отрывая от цистерны глаз.

- Говно, наверно... - пожал в ответ Глеб плечами и тоже вперился в мопед.

Возле Павленки деваха ловко затормозила. Вся она была перевита пулеметными лентами, а вместо левой груди у нее - Здоров, сосед!

- Здравствуй и ты, соседка, коль не шутишь... - осторожно поклонился Павленко в пояс ей.

- Расстреливать надо вас, а не шуточки шутить, - буркнула тут деваха. - Мокошь-то поцелуй хотя бы!

- Да и где ж она, Мокошь-то, кормилица-т наша? - запел Павленко, но довольно робко.

- Глаза разуй! - с презрением усмехнулась гостья и ткнула локтем в сторону цистерны.

- Какая Мокошь нынче крупная стала, вот ведь страсть! Никогда и не подгадаешь, - залопотал Павленко и кинулся. Он подбежал к цистерне, пал на колени и с чувством облобызал сначала колеса, а потом и саму цистерну.

Деваха усмехнулась краешком губ, подошла вразвалку к нему, открыла кран. Павленко принял, пил жадно, не отрываясь. - Да ладно тебе! - сказала деваха. - Всем достанется. Еще искупаетесь в них...

Когда Павленко, весь хмельной, икая, упал в глубокую борозду, к цистерне по знаку девахи приблизились остальные. У мужиков уж животы округлились, поднялись, и теперь они подставляли под струю головы, плечи, спины. Хмельной - Мокошь-то, Мокошь нынче! Эт тебе не как в запрошлом годе бабку живую в гробу паять! Иль девку с коровой ее, -

- Давай, бочку выедем? - спросил вдруг Нефед Хабибулина. Вместо ответа тот взял Нефеду за крупные жесткие его

- Ты чего, Тазик? Я ж не со зла, я ж просто так те вякнул...

- Просто так, говоришь? - спросил Тазик, глубоко вздохнул и погрузил свой длинный язык в рот смутьяна.

Зигмунд пристроился, было, обмыть свой член в пахучей струе. В него стали бросать комья земли: нечего, мол, паш. Между тем деваха склонилась над Фенькой. Та захныкала из своей корзинки, потянула ручки к браунингу. Деваха и

- Взять бы тебя к нам... - раздумчиво сказала рыжая гостья и провела себя мечтательно, томно по крутым веснушкам

- Твоя? - спросила деваха равнодушно и деловито.

- Наша, - буркнул Серега в землю.

- Хороша бабенка! Не смейте ее паять, - мы вам лучше коров за нее пришлем.

- Коровы-то есть у нас...

- Какие у вас коровы?! Одно дерьмо! А наши мясомолочные англичанки... Хочешь с англичанкою-то, небось?

- Че ж, раз надо... - ответил Серега совсем смущенно.

- Блядун! - засмеялась деваха. - Хорошо, у нас вовсе мужиками не пахнет. Такое всегда дерьмо, прости господи...

Деваха разбойно свистнула в два пальца. Мужики поползли к меже. Деваха махнула на свой мопед, газанула резко.

- Ну, Мокошь, бля, накормила!.. - говорили потом мужики с полгода и мотали головами в немом, сладостном восхищении

...Прошло лето, зачастила дождями осень. Потом, однажды проснувшись, все поняли, что наступила уже зима. Беги и изредка шипел какие-то свои, не понятные остальным слова.

- Ишь, супостат! - ворчал Павленко. - Русских собак решил, подлец, сторониться. Не увернешься, гад!..

И тут Павленку вдруг осенило. Он взбежал на крыльцо к себе, скрылся в избе. Долго не появлялся. Потом вышел во двор

- Где? - тихо, свистящим шепотом спросил он вмиг сжавшихся, сомлевших от ужаса мужиков. - Где мои шарики, бля?

Мужики молча повалились в снег, выставив задницы. Может, кого избеет да душой притихнет?..

Федот с испугу пустил струю. Она пробуравивала снег глубоко и дымно. Но Павленко и не заметил; харкнул в сердцах

Крикнул:

- Будет вам председатель!..

Мужики полежали в снегу. Первым завыл Нефед. Его поддержали Федот и зачем-то Зигмунд. Хабибулин крепился,

Павленко выставил из форточки ружье, пальнул. Галки с криком сорвались с веток и закружились в воздухе очумело.

...Серые сумерки наступали быстро, а колхоз все лежал в снегу и протяжно выл. Павленко давно уже перестал стрелять

Ближе к полуночи расползлись по своим загонам. Павленко у себя даже лампочку не зажег.

Все ждали утра, и никто не спал.

К ночи оттепель кончилась, подморозило. Яркая луна вползла на небо, глядела в окошки хлева белым изъеденным

- Не могу я так больше! - зашипел приглушенно, зло. - Я образованный человек, бывший паж, а ебусь с коровами, с

- Не можешь терпеть - посысы. Чего орать-то? Я, может, и не такой образованный, как ваша, блядь, светлость, а и мн

- А с ней что будет?! - почти в голос крикнул Глеб, ткнув пальцем в корзинку с Фенькой.

- Откуда ж известно мне? - горько спросил Серега. - Мое дело - дочку вынянчить, на ноги поставить ее... И нечего: и

- А когда она ему надоест - тогда что? Федоту с Нефедом отдаст он ее! Или еще того хуже - Зигмунду-стервецу! Ты с

- Че ж: они тоже люди...

- Дур-ак ты! Жизни не видел, не знаешь!.. Она б на балу могла, в Петербурге. Платье на ней со шлейфом, брильянты

- Ты че ж, етись с нею хотишь? Ты ж отец ей, пиздюк поганый!..

- Да не трахать хочу я ее, а воспитывать по-людски, по-светски! Она ж от меня кровь благородную получила! Мы ж

- Не знаю, какого вы там с ней семени-племени, а ебаться с дочкой тебе не дам! Вырву причиндалы-то, - так и знай!

Острая жалость к другу пронзила Глеба.

- Вот и я думаю, - вздохнул он, тяжело садясь на сено. - Как со всем этим быть? Угораздило же тебя девкою разродит

- От тебя ведь и рождена! Ты ж не в дальних краях, не в лесу таскался...

Чтобы успокоиться, Глеб подрочил о столб и спустил Сереге на враз подставленное плечо.

Размазал.

Серега вдруг рассмеялся тихо:

- Она уж спит! В задницу меня ведь мог бы!..

Но тронулся заботой Глеб о дочери.

Глеб лег под Серегу. Тот тужился, а друг яйца ему быстро-споро пальцами все ласкал. Наконец, из Сереги выползл

- Погрейся! - сказал Серега.

Глеб хохотнул, принял губами к Серегиной заднице. Тот сторожко, тихонько водил бедрами и кряхтел от острого на

...К утру стало знобко даже Сереге с Глебом. Пар от говна на полу и дым чадившего очажка уже не справлялись с м
- «Хуя!» - подумал Серега. - «Нужно дите спасать...»

А Глеб подумал: что-то член у Павленки больно уж тонок. В жизни ведь не такой...

И оба решили морду Павленке набить, если ребенка так будет мучить...

Уже к трем часам дня небо начало все приметней меркнуть, снег ярче вдруг забелел, но почти сразу солнце скрыл
Серегу начали мучить сразу после захода солнца. В контору его привели Федот с Нефедом. Сзади них тащился уны
Павленко уже их ждал. Он явно нервничал, он даже принарядился: надел новые валенки и плотный серо-зеленый ф
С каким-то вроде и сожаленьем глянул Павленко в глаза Сереге и тотчас же отвернулся, гася, давя в себе внезапну
Мужики молча, сопя, теснились у двери, не смея дальше шагнуть, - туда, где были стол, стул и маленький пегий по
Сразу за ним громоздилось такое, чего они осмыслить никак не могли, - а может, и не хотели. Это была наклонная
Мужики враз смекнули, что это последнее и всего опасней: бдительность еще потеряешь, решив, что, может, и буд
Повисло тягостное молчание. Лишь Фенюшка лопотала, - наверное, о весне.

Наконец, Павленко кивнул, и Нефед с Федотом толкнули несчастного к роковой доске.

Мужики с невольным, внезапным и для себя пристальным интересом наблюдали приготовленья. Вот голого Серегу
- Лучше б сразу убил... - шепнул вдруг Федот Нефеду. Тот лишь зло покосился на Тазика, жавшегося в углу, но не п
Павленко медленно, как бы нехотя, подошел к беспомощному Сереге, расстегнул мотню на белесых своих галифе.]
Председатель играл с Серегой, как кошка с мышью. Мужики затаили дыхание, ждали главного. Однако Павленко и
- Блядь: откусит, небось, татарин! - шепнул тревожно Федот Нефеду. Зигмунд услышал его, таинственно улыбнулся
- Ниже возьми! - сумрачно приказал Павленко.

Тазик опустился на колени, продел ладони под Серегины ягодицы, нащупал языком сырое уже очко, стал водить по
- Не смей ебать! - крикнул Павленко почти плаксиво. Мужики вздрогнули от такого крика, переглянулись. Ясно ст
- Шарик со стола возьми, - глухо велел Павленко.

Татарин взял шарики.

- В жопу ему засунь!

Тазик ловко исполнил. Серега застонал, пытался бедрами повращать, - и не смог, беспомощный, как бабочка на бул
- Теперь хуй туда же... Да не свой: с мотором который!

Хабибулин сердито сделал.

- Хабибулина-то мучит зачем? - спросил Нефед у Федота. Тот сунул брату под дых машинально.

Зигмунд опять змеино, подленько ухмыльнулся.

Тазик с перекошенным, зверским лицом вдел Сереге и включил моторчик на частые обороты. Серега забился, завыв
Павленко закатил ему в рот, так что Серега поперхнулся, закашлялся, задохнулся от собственного крика и от слюн
- Ах ты гад! - осклабился Павленко. - Хабибулин - и ты вдень! Да не хуй, - пальцы, сколько войдет...

Смуглая, черная от шерсти кисть Тазика вся ушла в Серегину задницу. Другой рукой татарин сжал страшно разбух
- Не смей! - рявкнул Павленко.

Рука Хабибулина повисла плетью, точно ему плечо прошибло. С конца багрового хуя упали скупые капли...

Глеб вдруг подумал, что все еще кончится хорошо.

- Ну-ка ты, кверху жопой, блядь! - прикрикнул Павленко. Хабибулин метнулся к нему и навис хуем над подбородком
- Ему соси! - прохрипел, весь сизый, Павленко.

Тазик губами жадно схватил хуй Сереги.

Серега опять застонал.

- Покусывай! Понял, блядь? - приказал Павленко.

Хабибулин с радостью пустил в дело зубы. Мужик заорал, но татарин душил его крик своими яйцами и ритмично да
- Пан кусает пана до крови, надеюсь я? - осведомился надменно Зигмунд.

Глеб показал молча ему кулак, отвернулся и только тут заметил, что Фенька, привстав в корзинке, ухватила ручко
- Бедный бэби! - чуть не вскрикнул Глеб по-английски. Он понял, что воспитывать Феньку теперь, наверное, поздно

Наступила весна. Задница у Сереги давно уже заросла, и теперь об его экзекуции вспоминал разве что только Зигм - Во-рю-га...

Серега смущался, густо краснел и унылым матом отгонял поляка. Тот, отходя, что-то шипел себе под нос. Хабибуле Павленко крутился с подготовкой к севу, подгонял мужиков и даже почти не ебся. Лишь изредка, бывало, зайдет к Фенька стала уже ходить. Павленко подарил ей свою старую майку, и в ней девчонка была, как в длинном бальном. Серега тоже души не чаял в своей дочурке и все хотел поделиться с ней своим сокровенным, - приобщить, что ль, ђ

- Ну же! Не бойся! Попробуй ты...

А Фенька сконфузится, фыркнет и только корову по теплому мохнатому боку погладит. Дескать, а мне-то что?..

Приходили еще мужики, Феньку ласкали, таскали гостинцы ей. Любили, чтобы она им всем в рот мочилась. Облизь Она уже знала, что такое «взять в рот» и с интересом, притихнув вся, наблюдала, как сходятся ребята друг с другом. Глеб просил при ней не очень-то выражаться. Мужики матюкались потише, блюдя приличие при ребенке.

Павленко как-то пообещал, что годика через два ее прошибет, а пока чего ж, - ведь еще младенчик... Теперь мужик - А перед избою будка, и в будке Полкан сидит. Я ему сосу - и он меня уважает, - говорил Серега мечтательно.

Радовался в душе за дочь.

Наступившая бурно весна заставила мужиков валяться на талой земле, пить, хмелея, из безбрежных холодных луж. Шалое настроение окутало мужиков, и Тазик однажды до крови заеб Федота. Очухавшись, тот отчего-то захотел пр Павленко остолбенел:

- Кто девчонку выражаться так научил?

Мужики молчали.

- Ты?! - рявкнул председатель, хватая за волосню на груди Федота.

Тот помотал кудлатою головой.

- Может, ты?! - подступил с тем же Павленко к Хабибулину, но его он схватил за хуй.

Хабибулин сморщился, закричал и, жалобно застонав, покосил куда-то глазом.

Павленко метнулся к Сереге, но рядом стоявший Глеб шагнул вперед и замер, потупясь:

- Это я, Никодим Петрович, - сказал решительно, только очень тихо.

- А чего она говорит? Против меня, небось? - спросил Павленко. Он растерялся от внезапной смелости непонятного

- Она стихи читает вам, Шарля Бодлера. Называется «Альбатрос».

- Переведи!

- Птица такая есть, летает она над морем. А матросы ее поймали, измываются. А поэт - он, как птица эта, только ле

- А мысли ему зачем, раз он птица? - не понял Павленко.

- Хрена ль ты про поэта учишь ее? - закричал Федот, наливаясь кровью. - Он, поди, и дерьмо не ест!

- Он и коров, небось, не дерет! - поддержал Нефед брата.

- И с мужиками, наверное, не ебется, - заключил Павленко. - Хуя ли такому учишь?

- С мужиками трахаются они... - возразил Глеб, но тихо, словно не решаясь еще признать вину.

- Чем докажешь? - насел Павленко.

- Верлен с Рембо ебся...

- Еще!

- Еще?.. Еще древние греки с мальчиками шалили... Еще Байрон с Шелли, также Шекспир, - но это доказать пока н

- Че ж, больше поэтов никаких и не было? Или че ль? - спросили Федот с Нефедом, а Хабибулин прищурился, готов

- Они редко про это писали... - сказал Глеб. - Больше про баб. Было такое время: мужики с бабами жили, а остальн

- Если б не революция, так бы и маялись мы все... - вслух подумал Павленко. Вдруг хлопнул кепчонку в лужу и ухну

Выкрикнул страшно, разбойно и удало:

Раз давала я солдату,
Он в пизду мне вдел лопату,
Раз давала моряку, -
Он мне в жопу ввел пилу!

Мужики переглянулись, облегченно вздохнули: гроза, как будто бы, миновала. Хлопали в такт в ладоши, приплясывали. Фенька визжала истошно, плескала из лужи на председателя.

Тот схватил ее вдруг в охапку и закружил на месте.

Девчонка завизжала еще радостнее, истошней.

Федот с Нефедом повалились в грязь и ссали друг другу в рот. Тазик тронул за плечо Глеба, но тот рывком сбросил.

- Зря ты так с татаринком: отомстит! - шепнул Серега, но Глеб, не дослушав, придушил слова его истошным поцелуем.

В деревню возвращались уж за полдень. Белое солнце вовсю жарило из самой вершины небес, и короткая тень давн Тазик брел неспешно.

Оба молчали.

Мимо промчалась полуторка с бидонами молока. Знакомый шофер показал им в кабине палец.

Тазик подумал, что, может, он остановится и «пошуткует» с ними. Отчего-то ему остро захотелось хуя в себе в эту м Тазик прислушался к насвистыванию Глеба, не угадал мелодию и спросил, что за песня.

- «Вальс-фантазия» Михаила Глинки. Тебе, татарину, не понять такое...

- Какое это «такое», Пиздун Пиздович?

- А вот такое: бал, белый с позолотою зал, три громадные люстры, точно созвездья, сверкают над головой. А ты - в м

- Под дымкой?

- Заткнись, татарин! В штанах, конечно. И вот ты, наконец, подходишь к ней и по-французски, как человек...

Глеб хлестнул прутиком по ноге, резко остановился:

- Не хочу я в колхоз возвращаться! - вдруг выдохнул он с тоской.

- Ты чего и говоришь-то такое? - остановился и Хабибулин.

- А то, урюк, что сбегу я от вас от всех на хуй!

- А дочка как же?

- Что ж и дочка? Все одно отдадите в бляди...

- А может, не отдадим? Сами с ней жить будем, всем колхозом! Павленко вроде бы обещал...

Тазику стало не по себе: он ведь знал, как любит дочурку Глеб. И если тот готов теперь, после пожилой городской м

- Неужто так забирает это?.. - осторожно спросил Тазик.

- Эх, урюк! Твое дело - мужиков ебать, а не думать о красоте надмирной...

Хабибулин насторожился. Понял, что нужно обидеться, и сказал:

- Я Павленку, знаешь, что попрошу? Чтоб он тебя в чан с дерьмом посадил на пятнадцать суток! Он не откажет мне

- Эх, Хабибулин! - ответил, презрительно усмехнувшись, Глеб. - Знал я, что ты говно. Но что ты еще и стучишь Павл

Тазик ощерился:

- А что мне молчать? Вы меня все урюком дразните. Я вас ебу и от вас же всегда одно поношение слышу!

- Просьба к тебе есть, Тазик! - вдруг сказал Глеб очень серьезно и положил руку Хабибулину на плечо. - Если Павл

- А бежать расхотел уже? - прищурился Хабибулин.

- Куда бежать-то? - усмехнулся Глеб горестно. - В «Красную лесбиянку» - так камнями там забрасают. В город пода

Глеб опять тяжело вздохнул, махнул рукой и решительно пошагал вперед.